

§ 2. К ПРОБЛЕМЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ И ЗНАНИЯ

1. Символика и реальность: от дилеммы к синергии

Каждый из нас слишком хорошо знает, что уметь говорить (и даже писать) «правильные слова» далеко еще не означает правильно мыслить. И конечно, гораздо легче (а может быть, и практически полезнее) научиться употреблять эти самые правильные (соответствующие ситуации и грамматике) слова, чем научиться правильно мыслить. В качестве универсального извинения мы обычно выдвигаем здесь тот аргумент, что нет общепринятых критериев правильности мышления (в отличие от правильности «говорения»); в противном случае основную проблему логики можно было бы считать решенной. Выше мы уже касались вопроса о том, каким образом у человека формируются представления о правильности концептуального мышления, в которых уже неустранимым образом функционирует фактор языка, и о том, что в процессе развития рационализованного, концептуального мышления этот фактор необходимо приобретает самодовлеющий характер.

Homo rationalis всегда пытался охватить бесконечное, но не видел для этого иного пути, как окончить мир любой ценой, старался отточить свой ум, но при этом все больше становился узником им же самим воздвигнутых концептуальных структур, старался придать направление своей мысли, но это автоматически исключало все другие возможные направления. Человек превращал хаос в логос ценой замыкания в рамках индивидуально-социально-концептуально-языково-парадигмально детерминированного мышления, в результате чего изначальная цель любого позна-

ния оказывается подмененной ее соответствующими сложившимся условиям мышления моделями. После расчищения всех наслоений, иллюзий, соглашений и самообмана люди всегда приходили к одному и тому же выводу: то, что ищет человек, есть единственная, последняя, окончательная реальность, выраженная по отношению к человеку как субъекту таким же окончательным и неопределимым супертермином «Истина». Ведь должна же быть какая-то точка опоры за всеми моделями, обобщениями, теоретизациями и разъяснениями, то что их организует и вообще делает их в принципе возможными, оставаясь скрытым, но что невозможно отрицать, не впадая при этом в порочный круг абсолютного релятивизма. Вместе с тем, человек не удовлетворяется полученным знанием не просто потому, что оно неудовлетворительно: если бы человеку вдруг раскрылась абсолютная Истина (хотя бы знание на тысячу лет вперед, если кому-то такая фраза претит), то человека она бы также не удовлетворила, и он немедленно принялся бы за сооружение опровергающей ее теории. Таким образом, вместе со стремлением к Истине человеческое мышление характеризует и стремление к чистой бесцельной деятельности мышления, то есть к превращению мышления и познания в Игру. Но Игра, расширяя максимально множество направлений мышления, выявляя скрытые связи и снимая влияние обычных (естественных или концептуальных) ограничителей мышления, приводит, в свою очередь, к потенциально ценным для познания результатам. Игра есть средство максимального расширения пространства мышления и снятия его замкнутости, но эти ее качества не планируемы, результаты и возможности не предсказуемы.

Два магистральных пути, которые человеческое мышление выработало для постижения Истины, ока-

зались полярны, диаметрально противоположны друг другу: первый рассматривает в качестве Истины конечный результат символизации, генерализации, социализации определенного типа мышления, в то время как второй стремится достичь непосредственного осознания Истины, без каких-либо опосредствующих звеньев и экзосоматических конструкций. На первом пути единственный способ коммуникации между теоретическими субъектами мыслится посредством «отождествления через абстрагирование», которое европейски рационализированному уму представляется единственной возможностью прийти к коммуницируемому (=понимаемому социумом) и проверяемому (=принимаемому социумом) знанию. Вполне естественно, что второй путь с этой точки зрения выгладит чистой мистикой: «спасенное» от всех редукций и генерализаций чистое восприятие не способно превратиться в знание, оно может лишь остаться некоммуницируемым индивидуальным представлением (впечатлением) и поэтому ни о какой его социальной верификации не может быть и речи – здесь, на первый взгляд, нет никакой возможности отличить сколько-нибудь ценный результат мышления от заблуждений и иллюзий – и поэтому этот взгляд, традиционно связываемый с восточным мышлением, долгое время воспринимался как чисто иррациональный. Сегодня сама эта позиция все больше осознается как результат языково-культурного недоразумения, обусловленного (в нашей терминологии) замкнутостью в себе европейского рационализованного мышления. Кстати, такую же критичную и во многом одностороннюю позицию занимало и восточное мышление по отношению к европейскому; но грандиозные успехи позитивной науки в Европе ставили ее вне подобных сравнений и критики.

А. Восточное мышление.
на уровне отношения
ствительно имеет место
связь. Факт не может
может быть только по
в факте). Прогноз
и фактом является
жизни). Факт существует
интерес и против того
с фактом, который
Факт состоит из объек
знания, но ему свой
авот фактом; это не
е в образах, как вы
то более в структуре
восточного
восточного, который
знаете или спускаете
те факты (она имеет
Факт, конечно, является ф
объективности в отношении

Вместе с тем в европейской традиции можно обнаружить корни того, что затем получило названия «инсайта», «мистического опыта», *Wesenschau* и т. п. Вспомним Лейбница, которого мистиком никак не назовешь: «...каковым что-нибудь непосредственно сознается, таковым оно и существует в действительности» [39, с. 84]. Это подразумевает ни больше, ни меньше как экзистенциально принимаемую способность сознания к прямому выходу на объект-в-себе. Эта онтологическая установка раннего Лейбница претерпела затем существенные изменения. Конструктивизм Канта вообще отвергает эту установку, которая впоследствии возрождается в других формах у Гуссерля и экзистенциалистов. Современная философия уже не в состоянии развиваться в условиях игнорирования взаимовлияния различных рациональностей и типов мышления, и методология диалектического материализма позволяет осуществить их синтез.

2. Еще раз о мышлении без языка: Хаксли и Витгенштейн

Выше было упомянуто о двух полярных подходах в познании; в качестве очередного подтверждения старой истины о том, что противоположности сходятся, проведем сопоставление точек зрения двух известнейших современных мыслителей Запада, к которым они пришли в зрелом возрасте и в результате глобального пересмотра всей своей жизненной позиции. Один из них почти всю свою сознательную жизнь считался знаменосцем тех, кто выступал за полную формализацию теоретического мышления и символизацию языков науки, считался одним из основных представителей аналитической и основным представителем лингвистической философии: это Людвиг Витгенштейн. Другой является одним из крупных мастеров художе-

...s), etc. But what ab
 e new worlds and
 ighted, denied by
 it into ordinary thing
 ominal 'Psychoisim' (by,
 December 1952) an inhibitor of vis
 which reduces an an
 nary and other ex
 aterial possessing
 he temptations of
 'sophrène', by M. A
 we have a peculi
 schizophrenic), it w
 the vast cosmic
 nd punishment, S
 s called 'Le Pais
 visionary
 carbus' contains
 'sch' by H. Osmond B
 April 1952.
 by John Smythies
 enes. Vol. III, Febru
 Adam had seen
 the miracle, mome

ственного слова, остававшимся везде и во всем беллетристом, сочетавшим отточенный и саркастический, даже внешне циничный стиль с философской глубиной проникновения в сложнейшие проблемы: это Олдос Хаксли. Первый был формалистики мыслящим философом, второй – философски мыслящим беллетристом; однако при всем различии между ними, их объединяли принадлежность к одной и той же социо-культурной реальности, в рамках которой они сформировались, а также то, что узловым, центральным моментом мироосмысления для обоих была проблема языка. Самое интересное то, что совершенно различными путями оба мыслителя пришли в итоге к единой отрицательной позиции по отношению к языку как средству генерирования адекватного знания о действительности.

«Языковые привычки вводят нас в ошибку», пишет Хаксли в своем философском эссе «Рай и ад» [114, с. 76]; например, мы склонны говорить «Я воображаю (представляю – Г. Х.)», в то время как следовало бы сказать: «Завеса была приподнята, чтобы я смог увидеть». Так же, как в написанном немного ранее (1954 г.) философском эссе «Врата восприятия», Хаксли утверждает возможность получения «знания в последней инстанции» в результате прямого мистического опыта. К этому выводу писатель, произведения которого были образцом британской трезвости и рациональности, пришел после своих опытов с галлюциногенным препаратом «мескалин», изготавливаемым на основе экстракта корня кактуса, растущего в пустынях Мексики и на Юго-Западе США и отличающимся меньшей токсичностью, чем другие алкалоиды со сходным действием. Одной из побудительных причин к этим опытам послужило постоянно ухудшавшееся состояние зрения писателя, грозившее превратиться в полную слепоту. Результаты, о которых восточные мистики рассказывали как о

достижимых лишь после многолетних медитаций, оказались налицо благодаря чисто химическому воздействию; это побудило Хаксли продолжить свои рискованные опыты уже с более мощным средством – ЛСД, которые продолжались до самой смерти писателя в 1963 году.

Самый главный результат своих опытов писатель связывает не с галлюцинациями и видениями, как можно было ожидать, а с изменениями в восприятии самых обычных вещей: это были те же самые вещи, тот же самый мир, и в то же время совершенно другой, новый, испытавший трансфигурацию. Писатель оценивает свое состояние во время опыта как проникновение без всяких усилий в сокровенный смысл вещей, их существования и взаимосвязи, пишет, что он освобождался от всех прагматистских и утилитарных подходов (свойственных человеку в обычном состоянии сознания) и непосредственно сознавал красоту, бесконечность и ценность любого «божьего создания» как элемента единой, пульсирующей, живой вселенной. Причем эти выводы не результат непосредственного впечатления, которое вполне могло оказаться совершенно иллюзорным, а результат анализа «последствия» после многочисленных проверок своего психосоматического состояния. Опыты Хаксли положили начало целой серии лабораторных исследований т. н. «измененных состояний сознания», проведенных ведущими психологами и физиологами разных стран, главным образом для сравнения эффекта медитаций, гипнотического воздействия и применения биохимических средств на состояние сознания и мышления испытуемых.¹ Результаты действительно оказываются почти идентичными; однако верифицировать картину мира, описываемую испытуемыми, не удастся ввиду отсутствия объективных критериев и системы измерений, в которых мож-

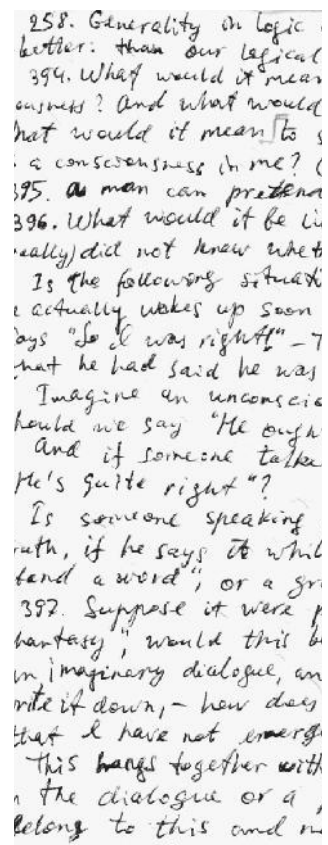
1

См. монографию энциклопедическим охватом материала, 102.

но было бы интерпретировать социально доступным образом этот опыт. Обратимся поэтому снова к свидетельствам человека, в высшей степени владеющего всем богатством художественного языка, на котором он описывает результаты своего «просветления».

Хаксли подчеркивает познавательную ценность своего опыта; он убежден в том, что получил доступ к Истине: просто люди настолько внушили себе, что знание возможно лишь в форме количественного знания посредством генерирования и передачи информации, что не могут представить себе другого. Что касается последнего вывода, то с Хаксли можно согласиться: кроме накапливаемых человеком и обществом в течение некоторого периода времени знаний существует и переоценка этих знаний в свете более развитого состояния сознания, сама в информационных терминах не выразимая, но несомненно представляющая собой знание и обладающая, уж во всяком случае, не меньшей познавательной ценностью. Другое дело, можно ли индивидуальный опыт субъекта (например, того же Хаксли) считать эквивалентом того, к чему человечество продвигается мучительно долго, через сомнения, заблуждения, пробы и ошибки. Это кардинальный вопрос всей концептуальной оценки культурного наследия Востока, утверждающего о высшей познавательной ценности некоммуницируемого и невыразимого языком индивидуального просветления [133; 106]. Разумеется, возможна такая трактовка категории знания, при которой «трансфигурация» картины мира в некотором языковом описании будет включена в результаты познавательного процесса; однако насколько это согласуется с принципами научно-философского мышления, нельзя сказать с уверенностью.

В «Вратах восприятия» Хаксли следующим образом оценивает результаты своих опытов с мескалином.

258. Generality in logic
better: than our logical
394. What would it mean
surreal? And what would
that would it mean to
a consciousness in me?
395. A man can pretend
396. What would it be if
really) did not know what
Is the following situation
actually wakes up soon
says "So it was right" -
that he had said he was
Imagine an unconscious
could we say "He ought
And if someone talks
He's quite right"?
Is someone speaking
truth, if he says "I will
find a word", or a gr
397. Suppose it were a
fantasy", would this be
in imaginary dialogue, an
rite it down, - how does
that I have not emerge
This hangs together with
the dialogue or a
belong to this and on

Способность запоминать и «правильно мыслить» почти не затрагивается действием препарата, хотя возникает глубокое безразличие к форме выражения и социализации своего опыта. Зрительные впечатления значительно интенсифицируются и глаз восстанавливает «детскую невинность (непосредственность) восприятия», когда полнота и чистота впечатлений-в-себе еще не подавлялась немедленным и автоматическим подчинением их концептам. В то же время пространственные планы и соотношения смещаются, а восприятие времени исчезает почти полностью (опять же, как в детстве, когда нам кажется, что времени у нас бесконечно много). «Остановка» времени, снятие концептуальных, языковых и утилитарных определителей (ограничителей) раскрывает какие-то «клапаны» в мышлении, делающие возможной трансфигурацию привычной действительности. Интересно, что хотя интеллект и остается неповрежденным¹, возникает осознание бессмысленности всякой деятельности и блаженства ничегонеделания, значительно снижается активность воли. И наконец, созерцание вещей-в-себе-и-для-себя становится настолько самоочевидно ценным для субъекта, что поглощает его полностью, оставляя в то же время незатронутой способность внешнего самоконтроля [114, с. 21–22 и сл.].

Однако трансфигурация мира возможна и в худшую, пугающую сторону. Малейшее изменение в эмоциональном состоянии личности, наличие повода к беспокойству и страху, нездоровая печень способны превратить «рай» в «ад» без каких-либо фиксируемых изменений в самих воспринимаемых вещах. Интенсификация восприятия, вызываемая алкалоидом, оборачивается в этом случае манифестацией злого и отрицательного в вещах, изумительно яркие краски и цвета воспринимаются как ядовито-яркие, весь мир заполняется тре-

1

Хаксли пишет, что записанные во время опыта на магнитофон его высказывания и оценки были «не глупее, чем обычно».

вогой и ужасом, все как будто остается неизменным и в то же время как бы меняет свой знак с плюса на минус [114, с. 106–111]. Основываясь на своем знакомстве с генерированными «раем» и «адам», Хаксли предпринимает смелую попытку проникнуть в психологию душевно больных людей, в частности, шизофреников, раскрыть причины их ухода в себя и потери контакта с реальностью, по мере углубления которых отдельные вспышки «рая» уступают постепенно сплошному серому «аду». Хаксли справедливо полагает, что в строении физиологии и ментальности любого человека есть что-то предрасполагающее при наличии определенной совокупности генетических и приобретенных факторов к шизофрении¹. «Мы живем вместе, воздействуем и реагируем друг на друга; но всегда и во всех обстоятельствах мы одиноки... По самой своей природе каждый материализованный дух обречен страдать и радоваться в одиночестве. Ощущения, чувства, озарения и фантазии – все они личностны и, кроме как посредством символов и из вторых рук, некоммуницируемы. Мы можем собирать информацию об опыте других, но ни в коей мере сам опыт. От семьи до нации, каждая группа людей представляет собой общество изолированных универсумов» [114, с. 11 –12]. Большинство изолированных, «островных» вселенных в достаточной степени сходны, чтобы осуществилось практическое общение, обмен редуцированным к общим меркам знанием; мы можем даже пытаться «ставить себя на место» других людей (в немного пиквиковском смысле), вспоминая аналогичные ситуации из собственного опыта. Однако многообразие людей, в разной степени носящих в своей психике признаки душевной болезни, некоммуникабельности или гениальности настолько широкого диапазона, что во многих случаях любой видимый контакт оказывается иллюзорным. «Слова произносятся,

1

Так же, как мигание стробоскопической лампы может вызвать у некоторых людей, страдающих головной болью, развитие эпилепсии.

но ничего не проясняют. Вещи и события, стоящие за символами принадлежат к взаимоисключающим мирам опыта» [114, с. 11-12].

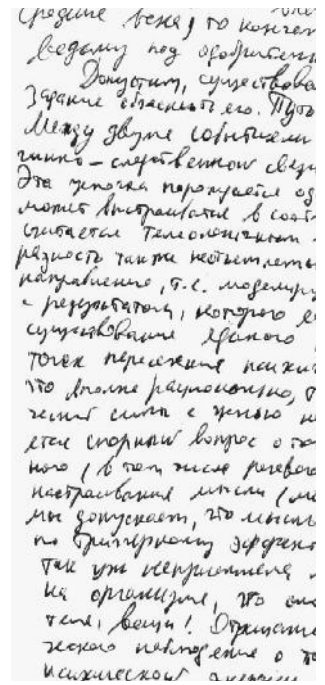
Большинство изолированных, «островных» вселенных в достаточной степени сходны, чтобы осуществилось практическое общение, обмен редуцированным к общим меркам знанием; мы можем даже пытаться «ставить себя на место» других людей (в немного пиквиковском смысле), вспоминая аналогичные ситуации из собственного опыта. Однако многообразие людей, в разной степени носящих в своей психике признаки душевной болезни, некоммуникабельности или гениальности настолько широкого диапазона, что во многих случаях любой видимый контакт оказывается иллюзорным. «Слова произносятся, но ничего не проясняют. Вещи и события, стоящие за символами, принадлежат к взаимоисключающим мирам опыта» [114, с. 12].

Таким образом, мастер слова обосновывает свое отрицание ценности языковой коммуникации в пользу индивидуального выхода в психическое «свое иное», происходящее не от рефлексии о воспринятом и обдуманном, а от высшего Разума (**Mind-at-lar-ge, higher Self**), чуждого и внешнего по отношению к «я», но врывающегося в мир заурядного индивидуума под воздействием гипноза, медитаций или наркотиков.

Здесь можно было бы вспомнить известную книгу основоположника антропологического подхода в криминологии френолога Ч. Ломброзо [51], в которой приводится, вместе со спорными или несостоятельными обобщениями, богатый фактический материал о сопоставлении выдающихся умов, известных преступников и душевно больных людей, проявляющих в моменты просветления удивительные способности. Ломброзо считал гениальность и помешательство однопорядковыми явлениями, аномалиями мышления, обуслов-

ленными наследственными факторами. К сожалению, современная генетика мало заинтересовалась почему-то проблемой единства наследственной структуры, обуславливающей возможность существования даже в одном генеалогическом древе гениев, преступников с патологическими наклонностями и/или душевно больных. А ведь проблема социального контакта у всех этих категорий людей практически в одинаковой степени (хотя по разным причинам и в разных формах) усложнена! Я не могу вдаваться в этот сложнейший клубок проблем, требующий совместных усилий психологов, социологов, физиологов, психиатров, генетиков и др. В философско-методологическом плане все это упирается все в ту же проблему замыкания мышления и структуры замкнутого мышления, рассмотренную в предыдущих главах. Складывающаяся на основе сложного комплекса филогенетических факторов структура мышления ограничивает мировосприятие в определенных направлениях, а в сочетании с индивидуальными психофизиологическими факторами это приводит к усилению восприимчивости в одних направлениях и искажению или ослаблению в других. Дальше основная задача сводится к нахождению доминанты; но там, где психолог обычно останавливается, считая свою задачу решенной, необходимо идти дальше, выясняя закономерности формирования доминант, а это ни одной отдельно взятой научной области не оказывается под силу. Вернемся после этого небольшого отступления снова к Хаксли и его «трансцендентальному опыту».

Можно выделить два основных момента в оценке писателем результатов своих экспериментов, которые удивительным образом совпадают с многочисленными свидетельствами лиц, подвергшихся суггестивному воздействию, занимавшихся систематическими медитациями (включая исторические свидетельства по этому

Средние века, по мнению
ведущих по образованию
Домогут, существова
Зачем объяснять его. Пусть
Между двумя событиями
жизни — световым свидет
Для этого порождается сд
много Австралии в соот
бываете там, о чем-то
решимость так же может быть
индивидуально, в.с. морем
и переживает, которую в
существовании хранило
Тогда переживает некий
то больше рационально, в
жизни сит с женою и
этот спорный вопрос о го
ного / в том, что же является
настраивания жизни (ми
мы допускает, что может
по биологическому фактору
Таким образом, некий
на организмы, что они
человек, вещи! Организм
жизни и поведения о те
механической системы

вопросу) и подвергшихся селективному воздействию биохимическими препаратами в лабораторных условиях [102; 128]. Во-первых, это убежденность в том, что во время опыта он имел дело не с субъективными впечатлениями, а с объективно значимым и познавательно ценным «видением» фактов, как они есть, нередуцированных и нерациональных, и убежденность в том, что именно знание подобного рода есть высшее знание из всех возможных. Во-вторых, это убежденность в полной несостоятельности как естественных, так и искусственных языков выразить, классифицировать, обобщить подобное «высшее знание», и убежденность в том, что оно по самой своей природе может быть только личностным (*'private'*) и некоммуницируемым. «В мире, где образование носит преимущественно вербальный характер, высокообразованные люди находят невозможным для себя обратить серьезное внимание, на что бы то ни было кроме слов и понятий... Даже в наш технологический век почитаются вербальные гуманитарные науки, в то время как невербальные гуманитарные области, искусство непосредственного осознания данных фактов нашего существования почти полностью игнорируются... Вербалисты относятся с подозрением ко всему невербальному; рационалисты опасаются данного, нерационального факта; интеллектуалы чувствуют что то «что мы воспринимаем глазом (или любым другим способом), является по своей сути нам чуждым и поэтому не должно оказывать на нас глубокого воздействия» [114, с. 62]. Сказывающиеся в приведенных высказываниях писателя горечь и раздражение проистекают именно от безуспешных его попыток социализации своего личностного опыта, приобщения других к невыразимому и некоммуницируемому.

Окончательным творческим результатом переосмысления его социальных взглядов явился опубли-

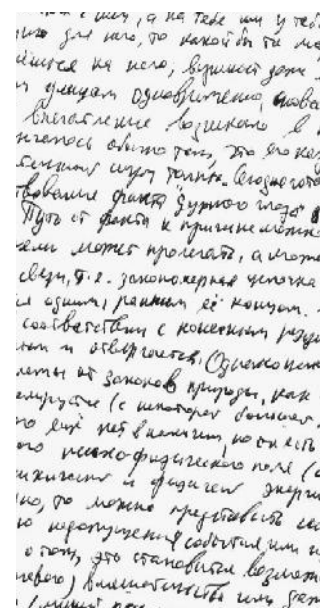
Вербализированное
Вся моя жизнь привнесла
мне закон мирности, а браться
можно раз или даже дважды
сидеть, отойти до него, и о
он может сотни раз сказать
и я улыбаюсь, и он не может
омерзость. Вместо суждения
этирических фактов, или не
не способую к построению
этирических. Каждый считает
от во-либо жуть своей са-
мой, себя парализует, во гово-
рять, есть достояние субъекта
невозможно кому-либо выразить
я, при желании тот признает, и
невозможно кому-либо выразить
субъективна категория, а в силу
каждого, что бы сказать, даже не про-
я в творческих проблемах; я констати-
ровал в. н. другой шаг. Это мо-
жет быть лишь на ход событий
на взаимоотношения, или только о
о. объективно так же: эти слова, это
просто на...

кованный незадолго до смерти писателя утопический роман «Остров» [*Island*]. В нем Хаксли описывает мирных, любящих друг друга и, несмотря на минимальное увлечение технологией, мудрых людей, населяющих вымышленный остров Пала, куда в результате кораблекрушения попадает американский журналист и агент нефтяной монополии, глазами которого писатель (используя традиционный литературный прием контраста) дает описание быта и взглядов жителей острова [115]. Философия романа пессимистична: добро по самой своей сути незащищено перед злом, а идеальное общество недолговечно даже на изолированном от полного противоречий мира острове. Эти выводы (так же, как ориенталистская ориентация философских идеализаций) роднят этот роман с итоговым романом другого крупнейшего мыслителя Г. Гессе, о котором речь шла в предыдущем параграфе. Но основная идея «Острова» Хаксли имеет и другие коннотации, роднящие его уже с другим романом Гессе «Степной волк» (где также используется художественный прием визуалистического откровения с применением наркотиков): это тема безысходного человеческого одиночества, аллегорией которого является и сам остров. Тема человека как острова-вселенной, поставленная в «Вратах восприятия», получает в «Острове» оригинальное литературное воплощение. Однако как же все-таки быть с философской оценкой изложенных выше взглядов Хаксли?

Прежде всего, необходимо оценить мистические выводы писателя о том, что трансформация восприятия в «измененных состояниях сознания», ощущение присутствия при раскрытии тайны происходят вследствие манифестации внешней по отношению к «я» и его памяти разумной силы, «нечеловеческой и непостижимой». Здесь писателя, очевидно, подводит его привержен-

ность традиционной оппозиции «внешний мир **versus** внутренний мир», ввиду чего все, что выходит за рамки сознательной оценки «внутреннего» со стороны «я», приписывается действию «внешней» силы. Выше (см. § 1, гл. 1) мы уже касались искусственности подобных оппозиций, которые в мышлении Хаксли укоренились так глубоко, что не были сняты (в отличие от других экспериментов; см. 102) даже в состоянии глубокого транса. Вряд ли даже в качестве образного выражения уместно следующее: «Внутри наших черепов (!) существуют мысленные пространства такие же гигантские, как и пространства внешнего мира» [114, с. 206].

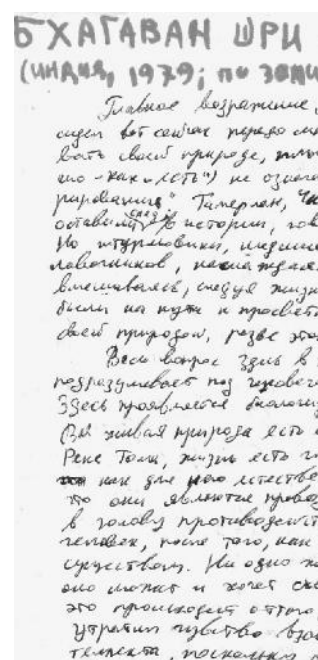
То известное обстоятельство, что в «обычных состояниях сознания» у обычных людей никаких «откровений» не наблюдается, Хаксли и некоторые другие (в том числе и обладающие научной компетенцией) авторы склонны объяснить следующим образом. В условиях нормального кровообращения человеческий мозг получает все необходимые для его функционирования питательные вещества, позволяющие поддерживать на высоком уровне селективность восприятия. Эта способность мозга, служащая предохранителем от «биологически бесполезной информации», подавляется в случае резкого снижения содержания глюкозы в крови, а также в результате длительного голодания, поста, самобичевания, сосредоточения, повторения речитативов, молитв, мантрамов, под воздействием некоторых препаратов с наркотическим действием и т. п. В свою очередь, подавление биологических ограничителей должно естественно привести к расширению диапазона восприятия и интенсификации последнего. Однако не менее общеизвестны и случаи снижения и потери восприимчивости в результате злоупотребления означенными допингами. И уж во всяком случае, нет никаких оснований привлекать для объяснения ка-

... с тем, а на тебе ии у теб.
... для того, до какой бы ты не
... не исла, видишь как
... и выдают одобрения, выва
... вылажили кошке
... неговь обито тем, до выко
... Селитры идуя тем, воего
... воемми факт дурно
... Пуго ст факт и прииме
... или моты проладе, а моты
... вич, т.е. законченная чело
... и ошми, рашит еи моты.
... соответств с кокетым раш
... нт и вввввввв. Оудомо
... моты вв законв, приурв, как
... мурвше (с мотыров боннелв,
... но еидь не вввввв, но он еидь
... то моты фидицики по вв (с
... моты и фидицики моты
... но, до моты моты моты
... но моты моты моты моты
... о моты, до моты моты моты
... моты) моты моты моты моты
... моты моты

ких бы то ни было трансформаций сознания и мышления сверхъестественные силы, необычность и непривычность для «я» и сознания трансфигурированной на основе интенсифицированного восприятия картины мира не означают вмешательства «внечеловеческих» или «сверхчеловеческих» сил. И естественные и культивированные «озарения» и их суррогаты есть лишь свидетельства неполноты наших представлений о силе собственного сознания и возможностях собственного разума.

Что касается способности субъекта «узреть» нередуцированную, нерационализированную природу воспринимаемого факта непосредственно, без концептуализаций и промежуточных мыслительных процессов, то вопрос заключается не в том, соглашаться или не соглашаться с ее существованием, а в том, в какой мере ее результат можно считать объективным знанием. Мы не отрицаем объективной познавательной ценности того воздействия, которое оказывают произведения Баха, Бетховена, Рафаэля или Рембрандта, хоть и убеждены в том, что никогда не смогли бы адекватно и полно поделить этим богатством с другими людьми; в то же время чувствуется, что это воздействие в очень небольшой степени обусловлено знакомством с интерпретациями и толкованиями соответствующих произведений. Говорит ли это об элиминируемости языкового, вербального, концептуального мышления хотя бы из некоторых сфер духовной жизни человека? Ответ на этот вопрос следует дать отрицательный хотя бы потому, что онтогенетически способность отличать произведение искусства от каракулей (которая не может быть врожденной!) сформировалась в определенной системе культуры и имеет силу в рамках определенного типа рациональности, определенного

синергического действия образно-вербально-концептуальных факторов структурирования мышления.

3. О мышлении без знания и о языке как игре

«Не думайте, а смотрите!» – к такому радикальному выводу пришел на склоне лет Людвиг Витгенштейн в своем последнем, незавершенном и опубликованном посмертно (1953 г.) труде «Философские исследования» [131, с. 37]. Внешне это напоминает фразу из Раджнеше, или очередные откровения ученого, разочаровавшегося в науке и «ударившегося» в восточную мистику. Но это только внешнее впечатление. Витгенштейн был и до конца оставался носителем рационального формально-теоретического мышления. Но если афоризмы «Логико-философского трактата», имевшего целью логистическую унификацию мышления и языка науки, сильно смахивали (и схематизмом формы и парадоксальностью содержания) на дзенские коаны, то многие высказывания и положения позднего Витгенштейна, внешне выглядящие апофеозом здравого смысла, носят в себе глубокий отпечаток духовного кризиса целого направления в мышлении современного Запада. В то же время, в отличие от Гессе, Хаксли и других философски мыслящих писателей, которым свойственные образно-художественному мышлению широта и гибкость давали даже в условиях углубляющегося кризиса уникальную и трагически яркую возможность самовыражения, Витгенштейн не видел иного выхода, как эмпирико-интуитивные редукции мышления¹. Это было переосмысление своих позиций в рамках той же структуры мышления для того, чтобы доказать (главным образом самому себе) ее объективную значимость, и по меньшей мере, для того, чтобы сделать результаты этого переосмысления понятными для того сообщества теоретических субъектов, на ко-

¹ Что вполне естественно в силу пространственной ограниченности структуры формально-теоретического мышления: см. § 3, гл. 1.

торое Витгенштейн осознанно или неосознанно ориентировался и которое подобных переосмыслений не производило. Как справедливо отмечается в монографии М. С. Козловой, решения проблем, предложенные в поздних работах Витгенштейна, диаметрально противоположны основным тезисам «Трактата», «и все же это был поворот на 180 градусов в пределах одних и тех же исходных установок аналитической философии» [34, с. 156]. Специфика того типа мышления, на основе и в рамках которого сформировалась аналитическая философия, не позволяет допустить мистические интерпретации проблем, в то же время она объединяет под названием мистических совершенно несовместимые в действительности типы мышления, от ортодоксально-религиозных до диалектического¹. С общеметодологической точки зрения это объясняется тем, что все эти направления расположены за пределами гиперпространства измерений аналитика и поэтому отождествляются.

В свете развитой выше концепции пространств измерений мышления очень легко становится дать объяснение тому, что мыслитель, пытающийся опровергнуть или отвергнуть философию, сам при этом философствует и является при этом, по выражению Энгельса, представителем худших из философских систем. Любое антифилософское рассуждение является автоматически философским, поскольку приобретает смысл лишь в пределах той же структуры мышления, которая обуславливает рефлексивность философского рассуждения. В то же время любая мыслимая структура мышления будущего, в которой можно представить себе *снятие* существующих сегодня представлений о характере философского мышления, не может быть антагонистична по отношению к последним. Попробуем подойти с этой точки зрения к рассуждениям и выво-

¹ См. высказывания Рассела о диалектике в 124.

дам позднего Витгенштейна, которые, по общему свидетельству исследователей его наследия, очень трудно систематизировать.

Не отрицая существования философии как «медицинского факта», Витгенштейн предлагает методы «терапевтического» воздействия на «патогенные» факторы в философском мышлении и языке философии. Одной из главных причин семантических недоразумений, ошибочно принимаемых за философские проблемы, и квазиосмысленных выражений, принимаемых за философские понятия и предложения, Витгенштейн считает использование философского рассуждения в функции позитивно-научного. Витгенштейн принадлежит к тем исследователям, которые резко отграничивают сферу научного от сферы философского; неотъемлемой принадлежностью первой они считают получение, генерирование позитивного и информативного знания, а принадлежностью второй считают ведение дискуссий о неустановившихся идеях и понятиях, структуре и функциях первой, а также оценку характера и последствий взаимодействия сферы научного со сферой (недифференцируемого в рамках их интересов и табели о рангах) вненаучного. Однако причиной развития «философии как языковой болезни» Витгенштейн считает не заблуждение или «неправильное мышление» философов, а действие на разум последних «языкового гипноза», естественно и закономерно порождаемого особенностями практики философского словоупотребления. В таком случае постановка «диагноза» и «философская терапия» должны заключаться в том, чтобы определить сбивающие с толку языковые факторы, и в противодействии им раскрыть множество действительных словоупотреблений и научиться не выходить за рамки последних. Но в результате подобной профилактики и терапии происходит не уточнение или тем

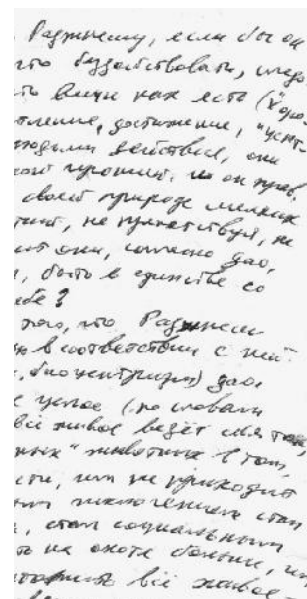
ВРЖНЕШ. ДЛО. ПУ
Ч (1972.)

орое жонте унаво Рурин
Зажитоме вонн, его в
по тленино, примитиве вил
автоматически, привелилине
-хан-, Гитлер, были, оторили
от Ражини с горькой лор
Гитлером, следовали виле
текущим работ, солтерин, и
короче-ноч-лет). Зависит ли
лю? Бюро-уполномочен, фодо
остаточно само по себе?
Витгенштейн комитетия по, и
и природой и педуче в соот
(лит, по крайней мере, дисоче
ные вилнопозабившее члене
иная структура), и вил жон
"Мужество "неразрывных" и
клетки философской разности, и
вдвесе. Единица-вильнотт п
вильнотт вил вильнотт, стал
трас ил статьи убиваю ил в
) илвек жонте примитивн
о члене вилвек, вилвек с
о забвении-отт, ил вильнотт.

более разрешение философских проблем, а их полная элиминация, доказывающая их несостоятельность. «Мы стремимся к полной ясности, но это просто означает, что философские проблемы полностью исчезают» [131, с. 51].

Знакомясь с работами Витгенштейна, тебя не оставляет впечатление, что оценку характера и ценности философского мышления взял на себя не философ, а человек несомненно острого ума, но не понимающий и не интересующийся теоретическими вопросами и пытающийся осмыслить их непременно в рамках представлений, чуждых философскому взгляду на вещи (оценка **'ex parte externa'**). Любой сравнительный обзор историко-научного и историко-философского генезиса убедительно демонстрирует если не безусловную ценность любого философского знания, то, во всяком случае, точно такую же подверженность позитивно-научных положений и понятий «языковому гипнозу», методологическому скепсису и элиминированности в результате переосмысления понятийной базы, как и философских. Между сферой философского и конкретно-научного мышления есть существенная разница в целом, но нет и не может быть четко очерченной границы. Сциентисты любят приводить в качестве примера непреходящих научных истин геометрию Евклида, но она принадлежит к немногим счастливым исключениям среди массы исторически сыгравших свою роль, но показавших впоследствии свою полную несостоятельность трактатов и опусов.

Вместе с тем критику Витгенштейном специфически философской «страсти к обобщениям» следует признать во многом справедливой. В абсолютной и вырожденной своей форме это означает, что философу вменяется своим сообществом в обязанность придерживаться рассуждений на категориальном уровне, в любых ситу-

Размышляю, если бы он
его возмездием, и др.
то были как есть (вдо-
лжные, достижимы, "чуж-
достью" действитель, они
самой природы, но он не
объект природы, а субъект
такой, не субъект, но
его сам, как бы да,
и, быть в единстве со
своей?
но, что Размышле-
ние в соответствии с ней-
и, "поцентризмом" да,
с учетом (по словам
всех писавших будет сего, что
иных "наблюдения" да,
если, что не "уникально"
было, то и "уникально" стан-
и, стал социальным стан-
го на этапе "всего", и
"всего" бы "набле-
и."

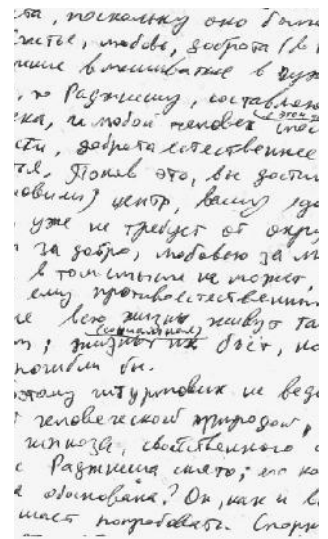
ациях и отношениях строить свои конструкции лишь из одних категорий, под которыми понимаются обычно в таких случаях понятия из традиционных философских систем, характеризовавшиеся когда-то (в эпоху расцвета соответствующих систем) предельной общностью и фундаментальностью. Поскольку в новых условиях многие категории теряют свою былую значимость и фундаментальность, то есть попросту изнашиваются, превращаясь во всеобщие термины обыденной речи, а новые фундаментальные и общезначимые понятия с трудом завоевывают в философском сообществе статус категорий, то это не может не вести к догматизму и схоластике, открывая путь как к критическим оценкам со стороны нефилософов, так и к нападкам на философию в целом.

Стремясь выявить различие между правомочными и иллюзорными обобщениями и отождествлениями, Витгенштейн вводит свое понятие «семейного сходства (или подобия)», которое служит номиналистической альтернативой превалирующим в философском мышлении платонистским представлениям об «общем предмете» (или даже «общем образе»), противостоящем всем тем конкретным предметам, которые включают его как составную часть (ингредиент), повторяющееся свойство (акциденцию) или прообраз (архетип), и поэтому носящим соответствующее «общее имя». Исходя из правомерности осуществления подобной операции обобщения в простейших эмпирических ситуациях¹, мы склонны экстраполировать ее в более зыбкие, туманные и многозначные области, на понятия с размытыми полями значений и др. Витгенштейн считает статус всеобщности практически любого достаточно сложного и/или абстрактного понятия гипотетическим и неподтверждаемым. «Почему мы называем некоторое понятие «числом»? Это потому, что оно имеет прямое

¹ Например, при формировании представлений о стуле, столе, дереве и т. п.

отношение к нескольким вещам, которые уже до того были названы числом, и можно сказать, что это устанавливает не прямое отношение его к другим вещам, которые мы называем тем же именем. И мы расширяем наше понятие числа, как при прядении постепенно присоединяем нить к нити. И крепость пряжи заключается не в том факте, что какая-то одна нить проходит через всю ее длину, а в переплетении многих нитей» [131, с. 32]. Вряд ли подобное представление о генезисе понятия числа удовлетворило бы хотя бы одного математика или философа, но здесь очень наглядно описана суть витгенштейновской концепции семейного сходства.

«Семейным» оно названо по аналогии тому, как среди членов семьи, родственников или предков всегда можно обнаружить лица со сходными между собой чертами, что позволяет их отнести к одной «семье» (и является эмпирической основой образования этого понятия), хотя невозможно найти род или семью, в которой у всех членов встречалась бы одна и та же общая черта. Это сильно напоминает конструктивистские операции порождения цепочек, в которых любые два последовательных члена имеют общий компонент и каждый порождаемый член согласно программе (алгоритму) связан лишь требованием походить чем-то на предшествующий. Однако и здесь любой алгоритм неявно подразумевает тот универсум свойств (объектов), из которого может производиться выбор для образования последующего члена. Вот здесь и кроется основная трудность концепции семейного сходства: мышление развитого субъекта не может быть чисто эмпирическим и его невозможно свести к таковому, любое фиксирование частного сходства было бы невозможно без идеальной операции отождествления в результате предварительного свертывания, а это, в

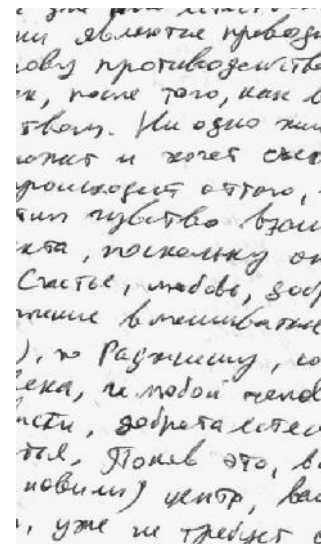
...на, поскольку оно формирует, подобно, своего рода (в) понятие в отношении к другим, то различию, составляющему, и подобно тому, что в том смысле не может, ему противопоставляются, и все равно живую там; различия не есть, но можно бы.

...тому что упрощения не ведет к геновальной природе, и т.д., свойственного с различиями, а не на основании? Да, так и в смысле порождения. Споры

свою очередь, требует представления об общем. Чтобы преодолеть и это препятствие, Витгенштейн вообще отказывается от осмысленного анализа и сравнения сходств. «Посмотрите и увидите» [131, с. 31], вот и весь рецепт связывания предметов в общем отношении; только ни в коем случае нельзя пытаться выйти за рамки того, что уже увидел! В результате мы имеем столь же искусственную редукцию мышления, как и в различных ультра-эмпирических программах финитизации его и стерилизации от проблемогенных бактерий.

Кроме явных, объявляемых объектов критики Витгенштейна, к которым прежде всего относятся традиционная философия (=метафизика) и традиционная логика, есть и неявные, к которым относится вся классическая теоретическая математика и главным образом «наивная» теория множеств, где принципы порождения и генерализации объектов действительно отдавали платонизмом и приводили к неограниченному генерированию и гипостазированию сущностей.

Чем же, в конце концов, является философия, если ей отказано в праве на всеобщность, научный характер и какое-либо отношение к объективному знанию? В конечном счете, Витгенштейн склоняется к той мысли, что философию следует понимать как чистую деятельность, то есть как не имеющую определенной цели и результата форму жизни; следовательно, с точки зрения этого мыслителя, она практически ничем не отличается по своему характеру от игры, правила которой навязываются нам языковыми привычками и традициями. Несмотря на всю зыбкость оснований для столь далеко идущего вывода, положительный момент его заключался в том, что оставалось сделать один-единственный шаг на пути к раскрытию действительно важной особенности философского мышления: это по самой своей сути творческий, во многом непредсказу-

... элементу проводя
... противоземство
... некоего, как в
... своим. Ни одно из
... и хочет себе
... оттого,
... из субъекта. Взаим
... , поскольку он
... счастье, мажора, со
... тиние в мышлении
...), по разумению, со
... века, не любой член
... исти, добрая любез
... тел, Понимать это, в
... новинки) центр, ва
... , уже не требует с

емый, но плодотворный и преобразующий мышление процесс. Но все дело в том, что Витгенштейн принципиально не может позволить себе такой исход, главным образом в силу незыблемых для него критериев результативности исследования, в которые философия никак не укладывается.

Здесь мы вплотную подходим к важнейшему понятию всей концепции Витгенштейна: понятию «языка-игры» (**'language – game'**). Целью введения этого понятия было приближение к генезису языка изнутри, моделирование того комплекса условий и факторов, которые обуславливают то или иное направление в этом генезисе и, в результате, реконструкция естественного, неабстрагированного, нерационализированного, неконцептуального хода образования и структуры языкового мышления. Язык Витгенштейн понимает чрезвычайно широко; по-существу, он переходит к некоторому методологическому обобщению понятия языка так же, как он перед этим перешел к методологическому обобщению понятия игры. Однако если в отношении игры это было интуитивно ясное, ожидаемое и с этой точки зрения неинформативное обобщение, то в отношении «языка» как игры (уже в новом смысле этой последней) получился оригинальный и неожиданный поворот, квалифицируемый многими исследователями на уровне научного открытия. Таким образом, получилось самоопровержение предлагаемых философом в качестве «терапевтических» мер редукций мышления и оценки философии как нерезультативной деятельности.

По утверждению самого Витгенштейна, понятию «язык-игра» невозможно дать определение. Можно согласиться с тем, что в понятии «языка-игры» (или «игры-поведения») «Витгенштейн предложил модель человеческой деятельности вообще и языка в частно-

Ludwig Wittgenstein
G.H. von Wright, trans.
California Press, Berkeley
1. William James. The
sentence. How can one know
any already exist before
someone: "Do you know it
I. I tell someone: "I'm
whistle it, and I already
It is my intention to whis-
tled it in thought."
10. Suppose I wanted to
other ones; how could I
it images that keep the p
In some spiritualistic
son. And here we have

сти» [34, с. 175]. То, что витгенштейновское обобщение понятия языка выходит далеко за рамки лингвистики, коммуникационных процессов и даже процессов мышления, демонстрируется его описанием конкретных языков-игр [131]. В ходе его вырисовывается то, что генезис, становление формы любого человеческого действия есть язык-игра. Контекст игры, задаваемый реальными условиями, ситуациями, детерминирует структуру (логику, грамматику) игры, которая закрепляется в обычаях, нормах и навыках жизни в виде системы правил игры. Любое употребление слова (совершение действия) есть ход в игре, а правилам соответствуют в таком случае допускаемые в данном роде деятельности виды ходов. Можно поспорить с М. С. Козловой в том, что понятие контекста языка-игры у позднего Витгенштейна есть количественное расширение понятия контекста предложения в «Трактате» [34, с. 176]. На самом деле это качественный поворот, это совершенно несвойственный формально-теоретическому мышлению выход на внелингвистическую реальность, то есть это ни больше, ни меньше как (в моей терминологии) расширение пространства измерений мышления.

С понятием «язык-игра» тесно связана функциональная концепция значения языкового выражения, развитая Витгенштейном. Знать значение слова или предложения эквивалентно по этой концепции тому, чтобы уметь использовать это слово (предложение) в соответствующей ситуации, то есть осуществить правильные (= соответствующие правилам) ходы в языке-игре. Если это верно, то только на уровне бихевиористских моделей коммуникации и поведения; превращение же этого подхода в общеметодологический обусловлено, по-видимому, влиянием популярной в тот период кибернетизированной доктрины «человека как пра-

dicted by G.E.M. Anscombe),
F.E.M. Anscombe),
of Angeles, 1970,
ably complete at the b
the intention of utteri
rd has been said. Fo
to say?" he will often
you the theme...; it
I am going to write
e; have I then already
as preceding describ
the words of my lang
where one of the new
s? (p. 3e).
is essential to think

вильно (=в соответствии с ситуацией) - ведущего себя автомата». Язык-игра – это по существу также компьютеризированная модель мышления «*ex parte interna*».

Обратим внимание еще на одну особенность концепции языков-игр. В соответствии с ней игра есть структура (совокупность правил) управления деятельностью. Выход за рамки этой структуры (нарушение правил) означает прекращение данной игры. В то же время соблюдение правил допускает в принципе неограниченное продолжение игры. В этом заключается замкнутость языка-игры относительно структуры, представляющая собой одно из конкретных проявлений структурно-игровой замкнутости мышления, о которой речь шла выше (см. гл. 2, § 1). Замкнутость языков-игр проявляется еще и в том, что любая внешняя оценка и критика правил неадекватны; для понимания (которое в концепции Витгенштейна есть совершенно необязательное условие для «игрока») правил и их организации необходимо осуществить структурно-генетический подход.

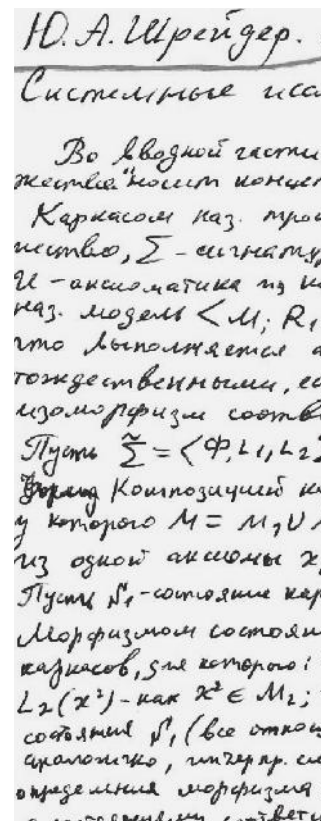
Витгенштейн спрашивает в «**Zettel**»: «Чему следует обучать детей (Ведь никому не хочется неправильно обучать своих детей! Г.Х.): включать в свои высказывания «Существуют физические объекты» или противоположную фразу? Если кто-то не верит в фей, ему не требуется учить своих детей тому, что «не существует фей», он может просто опустить в процессе обучения слово «фея» (Как мы и поступаем в громадном большинстве случаев. – Г. Х.)» [130, с. 74e]. Витгенштейн объясняет это тем, что в данной языковой игре «Что есть что» ее логика (структура) ограничивает свободу конструирования мира; экономия деятельности и мышления достигается замкнутостью ее структуры.

Изучение наследия позднего Витгенштейна так же, как его комментаторов, показывает мучительность и

даже трагизм его безуспешных попыток редуцировать, втиснуть естественный язык в рамки логического пространства мышления, понять и выразить всю его диалектичность в логических терминах. В рамках подобного подхода неизбежно происходит мистифицирование того, что не поддается редукции, что всегда остается за пределами понимаемого.

Тщетность претензий философии теоретической науки на окончательное и полное разрешение рассмотренных проблем связана именно с аналитичностью этой философии, которая идеологам этого направления представлялась всегда главным достоинством последнего. Именно идеологу того направления в современном философском мышлении, которое претендует на наибольшую теоретичность, логичность и объективность, принадлежат такие субъективистские высказывания: «Мир является тем, чем он кажется. Только научные теории не являются тем, чем они кажутся» [69]. Не менее показательна и то, что Марксу и Энгельсу никогда не была свойственна категоричность и претенциозность в подобных фундаментальных вопросах: ведь это было бы несовместимо с самим духом диалектики.

Логика естественная, в первую очередь, тем отличается от логики искусственной, что она есть мудрость устройства естественным образом эволюционирующего мышления, выражаемого на естественном языке; причем естественность означает здесь не наивность, а синтетичность, диалектичность, гибкость и универсальность. Однако человечество уже достаточно ясно продемонстрировало, что оно никогда до конца не примирится ни с естественностью метафоризованного мышления, ни с искусственностью компьютеризованного мышления. «Две культуры» как в зеркале увидели, осознали друг друга, и вопрос заключается не в пре-

одолении их автономности, а в снятии их противопоставленности.

§ 3. СНЯТИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ БУДУЩЕГО

1. Синтетическое мышление

Как существующий конкретно во всей своей качественной определенности голос, вступая в полифоническое пение, теряет свою самостоятельность, но приобретает новое качество и новую функцию в единстве с целым высшего порядка, которое, в свою очередь, не остается безразличным к новому вошедшему элементу, так и различные направления духовного освоения мира человеком, включаясь в формирующееся целое культуры определенной эпохи, преобразуются, приобретая новые качества и функции. Анализируя этот процесс, невозможно добиться четкой схематизации, определить последовательность и место вхождения того или иного элемента в эволюционирующее структурное целое. Оставаясь в рамках любых обобщений конкретно-научных и даже междисциплинарных подходов и программ, невозможно увидеть истоки, направленность и пределы этой целостности, что справедливо отмечают методологи глобального эволюционизма. Поэтому философский взгляд на мир сохраняет свое непреходящее значение, даже в «самоуничтожающих» его формах.

Логический позитивизм и порожденные им течения приложили поистине титанические усилия к тому, чтобы подорвать доверие ученых и вообще рационально мыслящих людей к классическому философскому способу рассуждения, его мировоззренческой и методологической ценности. Но, поскольку ни одно направ-

построено для
аванса (ежегод
ор повторяет свой г
амный характер", а
 $\langle M, \Sigma, U \rangle$, где M
через и или эти ко
оно типа аксиом. С
 $n \rangle$, у которого набор
матрица U . Два сост
по существу отод
включая модели.
ф. или функции от
в $\langle M_1, \Sigma_1, U_1 \rangle$ и $\langle 1$
 $\Sigma = \Sigma_1 \cup \Sigma_2 \cup \Sigma_3$, $U =$
 $2 \Rightarrow L_1(x_1) \& L_2(x_2)$
 $K_1 = \langle M_1, \Sigma_1, U_1 \rangle$, а
 $\Rightarrow \Sigma_2$ и т.д. такое состоя
общие $L_1(x)$ и т.д.

ление мышления, в том числе, конечно, и научно-теоретическое, не является изолированным и самодостаточным то временное замыкание рамками универсума формально-теоретического мышления (которое с точки зрения идеологов позитивизма должно было обеспечить расцвет последнего) приводит, в силу причин, подробно рассмотренных выше, в конечном счете либо к блокированию мышления и вырождению целых направлений, либо к неявной, неосознанной ориентации на какую-то определенную философию и, возможно, не на самую передовую. Многие сообщества сознательно культивируют нефилософский взгляд на выходы и значимость своего «производства» и судьбу его «продукции». Не это ли является причиной проявления симптомов неуправляемости креативного интеллектуального процесса в современном мире, непредсказуемости его социальных эффектов?

В то же время опасность потери контакта, взаимопонимания, общего языка между представителями различных замкнутых дисциплинарных сообществ любопытно соседствует с реально осуществляющимся диалогом между культурами, отличающимися друг от друга уж во всяком случае, более существенно, чем два «не понимающих друг друга» физика или математика¹. Два крупнейших межкультурных диалога, осуществляющиеся сегодня в духовном мире человечества, это диалог между культурами, воплощающими образно-художественное и научно-теоретическое мышление, и между миропониманиями, основанными на традициях европейского и восточного мышления. Придем ли мы когда-нибудь к единому общечеловеческому мышлению, порождающему гармоничную, гуманную и открытую для всестороннего развития систему культур и субкультур?

¹ Проблему взаимовлияния и противопоставленности сфер гуманитарного и научно-технического мышления интенсивно исследуют советские ученые Ю. А. Шрейдер, который, кажется, и ввел термин «самодостаточность научно-теоретического знания», и Е. Л. Фейнберг [82].

Первый же вывод, который необходимо сделать в свете проведенного исследования, заключается в том, что подобное единение культур не может быть синтезировано высшими формами интеллекта на основе совокупных усилий всего человечества; однако есть основания утверждать, что объективно и закономерно мир когда-нибудь придет к тому уровню духовного развития, когда в нем естественным образом мышление станет синтетическим. Необходимо иметь в виду, что синтетическое целое не квант: оно предполагает в себе структурированность, единство множественных. С этой точки зрения, очевидно, что не все существующие и мыслимые формы мышления могут быть элементами синтетического мышления, ввиду несовместимости [см. гл. 1, § 3] некоторых из них (например, отражающих межклассовые идеологические различия), но абсолютно все они оказывают неожиданное для них самих воздействие на генезис «окончательной» целостности, участвуя в формировании ее в соответствии или вопреки своим осознанным целям.

Прочитав заголовок раздела, можно подумать, что речь будет идти об искусственном интеллекте, в то время как мы имеем в виду нечто совершенно другое и даже в определенном смысле противостоящее ему. Для того чтобы окончательно прояснить разницу между синтетическим мышлением и синтезированным мышлением (каковым и является по существу результат моделирования интеллектуальных функций), необходимо вспомнить «разведенные» и рассмотренные выше виды синтетичности:

- 1) синтетичность эмпирико-интуитивной картины мира;
- 2) синтетичность интеллектуально-интуитивной (неформализуемой научной) картины мира;

классическая система
 § 73, сс. 226-238.
 и, то понятие мно-
 ственности не существует.
 в конечном итоге
 целостности (сущности),
 и каркаса $\langle M, S, U \rangle$
 и именован в S как
 каркаса S и S_1 наз.
 $M \rightarrow M$ порождает
 и U_2 - система размещенных
 наз. каркас $\langle M, S, U \rangle$
 M_0 и \tilde{M} , где M_0 состоит
 из конечного числа аксиом,
 и $K_2 = \langle M_2, S_2, U_2 \rangle$.
 системы соответствующая
 и $X' \in M_1$; соотношения

3) синтетичность образно-художественной картины мира; затем можно упомянуть несколько особняком

4) логико-семантическую синтетичность априорно-синтетических суждений и, наконец, общеметодологические

5) структурную и

6) генетическую синтетичность, охватываемые

7) диалектико-философской синтетичностью.

Синтетичность мышления означает, прежде всего, способность охватить изучаемое явление в его неразложимой целостности и вообще, мыслить целостностями. Каким образом это достигается? Если бы возможно было дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, мышление человека уже не было бы синтетичным. Точно так же, как мы не знаем точное соотношение вкладов отдельных органов чувств в общую картину восприятия, мы не в состоянии проследить и за этапами «строительства» интеллектуальной картины мира и рефлексии. Ответить на вопрос о том, каким образом, какой методологией проникнул Ф. М. Достоевский в сущность человеческой природы, не смог еще никто, включая, естественно, самого писателя. Отсюда можно сделать неожиданный вывод о том, что мышление может быть только синтетическим, а путь к нему есть по сути «возвращение» к естественной основе мышления.

В то же время, в рамках той картины мышления, которая сложилась в науке, оно может быть только и исключительно аналитическим, поскольку это не картина естественного мышления и даже не грубая его модель: это другая, «дополнительная» реальность, которая конструируется интеллектом из элементов коллективного опыта человечества в соответствии с практическими его целями, под которые затем подводится фундамент теоретического обоснования. Я имею в виду не непо-

Системное иссл

Во ввдвой части
жесткая "коллапс" концепции
Каркасост каз. тройн;
исствво, Σ - естнатур
и - аксиоматика тз ко
каз. моделл $\langle M, R, \dots \rangle$
что выполняется а
тождественными, ест
изоморфизмы соответ
Пусть $\Sigma = \langle \Phi, L_1, L_2 \rangle$,
Форму Композиции к
у которого $M = M_1 \cup M_2$
из одной аксиомы x^2
Пусть \mathcal{R}_1 - состояние кари
Морфизмом состояний
каркасост, для которого $i \in$
 $L_2(x^2)$ - как $x^2 \in M_2$; и
состояний \mathcal{R}_1 (все отнош
архитетно, интерпр. см
определенные морфизмы
с состояниями соответ
состояний, определенными
Какие элементы реально
... систем

знаваемость мышления и не адекватность его аппарата самопознания, а неадекватность того прообраза, с которого оно пытается себя моделировать.

Открытость синтетического мышления будущего будет связана со снятием искусственных ограничителей, преодолением установок и оппозиций, то есть с тем самым «отделением сознания от мышления», о котором издревле говорила восточная мудрость, осознать взаимодействие «видимой» сознанием картины мира и процесса ее творения невозможно «тем же самым» сознанием, это возможно лишь с высоты нового, более развитого сознания. Синтетическое мышление позволяет восполнить те традиционные оценки исторических событий, вклада того или иного мыслителя в генезис разума, которые, основываясь на изолированном и статичном их рассмотрении, неизбежно характеризовались односторонностью и ограниченностью. Подобные ситуации в филогенезе мышления можно оценить лишь исходя из эффекта их совокупного действия, в котором вклад каждой из сторон есть «производная» от целого.¹ Не непредвзятость, которая все равно недостижима по действующим пока психологическим причинам и вряд ли допустима по мировоззренческим, но синтетичность в оценке, динамичность в рассмотрении, синергичность в понимании – таким должен быть подход диалектика к современному исследованию давно «знакомых» концепций и имен.

2. Гуманизированное мышление

Момент синтетичности присутствует в естественном процессе мышления, иначе мы просто не смогли бы его «изобрести». Этому же нельзя сказать о моменте гуманности, человечности, она не присутствует в структуре мышления и поэтому мышлением не «изобретена». Более того, как показывает история человечества, начи-

¹ Например, реальный вклад Фомы Аквинского в процесс становления Ренессанса с неожиданной стороны рассматривает Умберто Эко; 109.

ная с «первобытного» мышления [38] и кончая современным, наблюдается все углубляющаяся тенденция к абстрагированию, отчуждению от своей человеческой природы, происходит дегуманизация мышления. Обусловлена она в основном эволюционными причинами: рациональность в поведении связана с минимизацией всех процессов, не имеющих отношения или усложняющих выживание вида. «Экономия» человечности биологически полезна, исключая внутрисемейные (внутриобщинные) отношения, непосредственно связанные с продолжением рода и воспитанием потомства. Если бы эволюционным законам здесь не противостояли другие силы, так же усиливающиеся и углубляющиеся, человек не только никогда не смог бы развиваться до личности, но всегда оставался бы худшим из животных. Гуманизм есть качество не «мыслящего животного», а интегрированной личности; именно поэтому гуманность культивировалась лучшими представителями рода человеческого, поддерживалась и распространялась.

Человеческое мышление приходилось сознательно гуманизировать. Но, с другой стороны, если бы гуманность была чем-то внешним, чуждым для человеческой природы, то всякая гуманизация последней была бы невозможной. Силы, толкающие человека к снятию с себя ответственности, «растворению» в массе, партиципации в коллективном и тем самым «освобождению» от принятия решений, или, наоборот, к обеспечению более удобного и безопасного существования, «снятия» страха и комплексов путем доминирования над окружающими, принуждения их участвовать в навязанной им «игре» всегда держали бы человека в состоянии между животным и полноценной личностью. Возникновение в древнейших восточных цивилизациях идеала просветленной личности предполагало уже

том, что понятие личности существует. Орел, корелов, много...
 $\langle M, \Sigma, \mathcal{M} \rangle$ каркаса $\langle M, \Sigma, \mathcal{M} \rangle$ и \mathcal{M}_0 & \mathcal{M} , где \mathcal{M}_0 состоит из комбинаций аксиом $\mathcal{K}_2 = \langle M_2, \Sigma_2, \mathcal{M}_2 \rangle$ позиции соответствующей как $\mathcal{K}^1 \in M_1$; соотношения с ее интерпретацией \mathcal{K}^1 на подмножестве M_1 , как составных \mathcal{K}^2 . Для определения отторжения рассмотреть морфизм этих между несущими и мотивами, по изучению (наблюдению их тематик) (с. 231).
 которые для каждой пары из классов состоят

осознание всех этих сил и опасности, которую они таили в себе. Просветленность как раз и означала развитие (высвобождение) в себе тех сил, которые восточная традиция считает природно присущими человеку и способными противостоять «темным силам», но обычно игнорируемыми, заторможенными, «забытыми». Но что же это за силы, и где их источник, если в мышлении, воле, эмоциях, поведении его нет?

Трудность этого вопроса порождала религиозно-мистическое объяснение, связывающее их с непостижимой божественной сущностью человеческой души, а также идеалистическую концепцию субстанциальности идеального «светлого» начала в человеке. Как и во многих других вопросах, решающий шаг на пути к научному объяснению «человеческого начала» в человеке сделал Маркс. В результате действия эволюционных сил, выделивших наших пращуров из животного мира, они наталкивались многократно на подтверждение своей взаимозависимости в процессе самосохранения (зачаток «социальности»), отпечатавшейся в психике и вызвавшей скачок в сознании. В онтогенезе самоосознание человека Маркс связывает с узнаванием себя в другом человеке «как в зеркале» [57], отождествлением себя в коллективном социальном опыте со всем тем, что принято считать человеческим. Но в этом процессе откуда-то берется этический момент, полностью не выводимый из мышления, поведения, социального общения. В противном случае рассуждение Маркса означало бы, что эгоизм является основой человеческого существа, самоосознание в другом есть не что иное как «спроецированный» эгоизм, а гуманизм выглядел бы как глобальный эгоизм, объект которого расширен до человечества в целом (в объемных терминах) или до человечности (в содержательных терминах). На самом деле марксизму одинаково претит объявление эгоизма

и гуманизма инстинктивными качествами в человеке; другое дело, что оба они имеют общую и выходящую за рамки эволюционной основу. Это социальная реальность, в которой формируется человеческая культура, человеческое миропонимание и обратная связь между сознанием и усложняющимся бытием, вызывающая качественные изменения в первом. В сущности, никто не рождается человеком, а становится им по мере того, как формируются его сознание, его личность, в связи с приобщением к определенной культуре, отождествления с ней. Можно добавить, что филогенетической основой онтогенеза личности служит здесь та «схема совместимости», которая присутствует в структуре нашего мышления (см. гл. 1, § 3), и конкретизирующаяся («интерпретирующаяся») в реальных условиях.

Человек пытается познать свою сущность интеллектом, который на самом деле не исчерпывает человеческих способностей к самопознанию и способен построить в лучшем случае операциональную модель мышления и поведения. Но осознать эту ограниченность с высоты культуры, включающей в себя интеллект, означает совершенно другое, нежели его примитивное отрицание, как в архаических учениях. Лишь открыв свое мышление для полноты осознания мира, сможет «**homo sapiens**» достичь своего высшего выражения, которое не может не быть столь же парадоксальным, сколь и тавтологичным: «**homo humanus**».

Мышление человека ищет и всегда будет искать границы возможного, которые всегда будут объективно существовать в силу конкретности его генезиса и условий его существования, но никогда не сможет примириться с существованием этих границ. Непреодолимая потребность выхода за пределы самого себя сочетается в нем с потребностью остаться самим собой, остаться человеком. В этом противоречии можно

усмотреть основу неутихающей активности мысли, не позволяющей ей деградировать.

Основные выводы

Цели, задачи, основные результаты и возможные приложения последних нужно суммировать еще раз: возможно, это не рассеет всех вопросов к автору прочитанной вами книги, но поможет сориентироваться во множестве рассмотренных проблем, подходов к их рассмотрению и решению.

Цель этой книги – показать, что любая форма человеческого мышления исторична, преходяща, ограничена, что стремление в рамках любой формы мышления к полной объективности, истинности, последовательности, нормальности в силу внутренних законов мышления неизбежно ведет к субъективности, условности, догматичности, патологичности. Давно известно, что все абсолютизированное приходит, в конце концов, к своему отрицанию, обращается в свою противоположность. Очевидно, вместе с тем, что мы оказались наследниками именно тех форм интеллекта, которым свойственно упорно и систематически пренебрегать этой старой философской истиной. Цель этой книги также в том, чтобы раскрыть «механизмы» упомянутой трансформации в мышлении, которая, фигурирует в книге под названием замыкания мышления, выяснить, почему оно усиливается по мере рационализации, концептуализации, теоретизации мышления, формализации его в логико-языковых структурах. Целью данной книги является, наконец, выявление факторов снятия, преодоления замкнутости мышления как необходимого условия прогресса цивилизации и культуры, показ того, что лишь открытое, естественное, свободное мышление способно совместить в себе внутреннюю целостность и логичность с человечностью

и способностью к развитию. В какой мере в книге эти цели достигнуты – решать читателю.

Мышление человека рассматривается здесь как направленный процесс, элементами которого выступают в большей или меньшей степени оформленные результаты субъективного опыта; это, собственно говоря, процесс реорганизации, переоценки и пополнения содержания памяти. Вместе с тем собственный процесс мышления происходит в определенном объемлющем процессе, под воздействием неосознаваемых индивидуально и социально-психологических явлений. Таким образом, мышление в целом есть не полностью осознаваемый процесс. В книге (см. введение и гл. 1) даны необходимые терминологические уточнения; разведены близкие по содержанию, но не тождественные понятия сознания и мышления, очерчен круг неприменимых к идеальному, по традиционному распространяемых на него характеристик материального, за которыми можно сохранить лишь метафорическую функцию. Предложен авторский вариант преодоления традиционных философских оппозиций, например, «внутреннего» и «внешнего», индивидуального и социального, онто- и филогенеза, базирующийся на методологической интерпретации принципов социологии Маркса. Фундаментальное различие между характером развития мышления и сознания заключается в том, что для сознания характерна (в соответствии со спецификой идеального) глобальность изменения, а для мышления – эволюционность. Это не означает того, что мышление не развивается: просто эволюционные изменения результатуются не в нем самом, а в глобальных изменениях сознания (своеобразный переход количества в качество), которые, формируя новую целостную картину мира, в свою очередь, определяют дальнейшую эволюцию мышления. Для исследования структуры

и генезиса мышления разработана общеметодологическая база [гл. 1], основу которой составляет структурно-генетический метод в авторской модификации¹. Грубо говоря, так же, как невозможно видеть глазом и в то же время видеть этот глаз, так же невозможно мыслить определенным способом и понять этот способ, не выйдя за эти пределы. В книге опровергается прерогатива ведущих форм интеллекта давать полную и однозначную оценку «остальной» культуре человечества, показывается ее внутренне противоречивый и катастрофичный характер (гл. 2 и особенно 3).

Структура мышления понимается в книге как обусловленное его анизотропностью организованное и ограниченное множество «направлений» (или «измерений»), по которым распределяется процесс оформления содержания опыта субъекта. Представление это допускает теоретико-множественную интерпретацию (в § 3, гл. 1 рассматривается элементарная модель структуры пространства измерений, определяемой бинарным отношением совместимости, и модель генезиса этой структуры, которые ни в коем случае не претендуют на законченность или самостоятельную ценность: это удобные способы компактного изложения материала, которое в противном случае заняло бы дополнительный объем). Впервые в литературе сформулированная и рассмотренная в основных своих аспектах проблема замкнутости мышления как закономерного момента развития его структуры исследуется затем по отношению к теоретическому мышлению, где она принимает характер блокирования [§ 2, гл. 2]². Выделены основные типы замкнутости мышления, рассмотрена общекультурная основа преодоления замкнутости в мышлении, стимулирующие ее факторы. С психологической точки зрения замкнутость есть патология мышления, неизбежная и преодолимая лишь в процессе

1
Выявление факторов, определивших структурную основу рассматриваемого объекта вместе с факторами, обуславливающими структурные изменения в объекте на каждом этапе его развития, в виде единой метаструктуры, а также [см. введение] принцип рассмотрения сложных и неанализируемых объектов «извне», через подчиняющуюся определенным условиям «внешнюю систему отсчета» (для естественного мышления всегда существующую).

2
Это, говоря ненаучным языком, плата, которую взимает природа за рафинированность интеллекта.

глобального развития³. Социальное осознание коперниканских переворотов требовало нередко крови героев, приносимой на алтарь света, разума, познания. Иначе косность замкнувшегося в себе «правильного», «нормального» мышления оказывалась не пробиваема. Сейчас степень риска неизмеримо выросла, а формы замкнутости мышления множатся и усиливаются. В книге делается вывод о непреодолимости последних в рамках внутреннего развития соответствующих форм интеллекта, и о необходимости для этого выработки полноты осознания действительности, достижимой лишь открытым, гуманизированным, естественносинтетическим мышлением, не отрицающим, но снимающим в себе теоретическое (см. конец третьей главы).

Проблема вырождения интеллектуализированного и формализованного мышления в искусственную псевдокультуру или в пустую игру, поставленная философски мыслящими писателями нашего столетия, получает культурологическую разработку в основном в последней главе книги, оказываясь органически связанной с рассмотренными проблемами. Неоднократно проводятся параллели с недооцененными и квазиинтерпретированными в Европе восточными учениями, что позволяет, с одной стороны, снять со многих их сторон обвинения в мистичности, а с другой – увидеть признаки мистики в нашей традиционной рациональности. Оздоровление социального сознания возможно в результате осознания и преодоления замкнутостей в мышлении, что можно сравнить с пробиванием бреши в возведенных вокруг нас нашим же собственным разумом зеркальных стенах.

Высказанные в книге соображения и выводы могут оказаться интересны с точки зрения теории познания, социологии и психопатологии мышления, методологии науки, культурологии, а также таких становящихся

³ Это как бы защитный механизм эволюционирующего, рационализирующегося интеллекта, для которого открытие существования альтернативного мира всегда травматично.

областей современной науки, как психология межличностных отношений, теория межкультурных коммуникаций и теория разрешения конфликтов. Более всего автор желал бы, чтобы его соображения заинтересовали специалистов социальной прогностики.

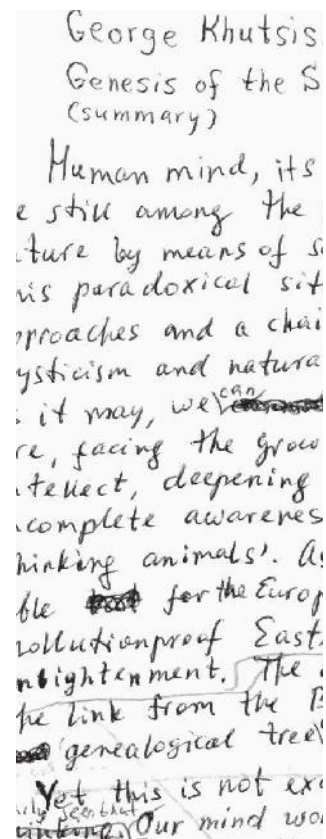
GENESIS OF THE STRUCTURE OF THEORETICAL
THINKING, by GEORGE KHUTSISHVILI, Ph.D.

SUMMARY

Human mind, its origin and basic laws of functioning are still among greatest mysteries: we actually perceive Nature by means of something whose nature remains unclear to us.

This paradoxical situation has historically created variety of approaches and chains of misconceptions including the opposition of mysticism and naturalism in understanding our own selves. We can no more afford to leave things where they are, in view of deepening dehumanisation of modern technological intellect, growing barriers in intercultural communication and incomplete awareness leading to emotional and moral deafness of "thinking animals". As it happens, on the other side is a bit uncomfortable from European viewpoint but at least explosionproof and pollutionproof Eastern way with its perennial idea of the enlightenment. The diversity presupposes unity, so there must exist the link from the Buddha to Einstein, as well as some structural principle for the unification of all mentality types in one "genealogical tree".

It can be clearly seen that thinking is un-isotropic process: we are conditioned by some forces to think "along certain directions", so our scope is inevitably restricted in certain ways and we finally are within unending but closed universe. Rational thought just cannot be unstructured, and "closed-circuit thinking" turns out to be a natural outcome. Paradoxical though it may seem, "thought-closures" are reinforced in refined forms of intellect, mainly in advanced theoretical thinking of modern scientific communities which are internally programmed to eventually block out within their domineering, self-sufficient and "all-explaining" world outlook. This process may be shattered by unexplainable phenomena, undecidable questions and

George Khutsis
Genesis of the S
(summary)
Human mind, its
e still among the
ature by means of s
is paradoxical sit
approaches and a chai
ysticism and natura
it may, we ~~can~~
re, facing the grow
intellect, deepening
complete awarenes
inking animals'. As
ble ~~not~~ for the Europ
ollutionproof East.
nlightenment. The
he link from the B
genealogical tree'
Yet this is not ex
ily ~~seen that~~
Our mind wo

intercultural conflicts, but can only be transcended and overcome in the course of structural changes of thinking, opening the way to entirely new outlook. Theoretical intellect turns out to be an indispensable stage in our development. Yet it is a necessary but insufficient condition of our cultural and spiritual growth.

The book presents original conception of the structure of thinking, its genesis and ulterior goals. Open thinking and circuit thinking are distinguished and defined in the light of vast evidence from history of philosophy, arts and sciences. Author's analysis is based on the modification of structural-genetic principle used by Jean Piaget for his genetic epistemology and operational conception of intellect, also on clarifying different mentalities and subcultures in others used as external frames of reference. Types of circuit thinking are distinguished, viz. primitive, psychological, logical, linguistic, religious and methodological, which can combine. Circuit thinking is internally normal and justified, externally abnormal and disbalancing, and objectively it starts as "necessary evil" and may if overridden end in catastrophic changes of social consciousness.

Set-theoretical model is developed for space of "dimensions" as elements of the structure of thinking (elementary picture is given in Colin Cherry's "On Unman Communication") structured by binary relation of "compatibility" (formally coinciding with E. C. Zeeman's concept of "tolerance"), which is then extended to describe individual's memory, mind, basic understanding and world outlook. T. Kuhn's "model for the structure of scientific revolutions, R. Montague's conception of pragmatics, also E. Berne's transactional analysis of "games" fit into this model's various aspects. New semantical explanation for psychoanalytical treatment is offered.

Greatest intercultural problem of the "two cultures" (indicated by Ch. Snow et al.), treated after Hermann Hesse, also Aldous Huxley vs. Ludwig Wittgenstein is

ending our own self.
fford to leave things
ation of modern tech
tercultural communi
emotional and moral a
the other side is a bi
ut at least explosion,
its perennial idea op
opposes unity, so there
tein ^{as well as} ~~there must~~
unified by some struc
urther means by the str
; we are conditioned by
our scope in certain wa
the Universe. This pra
netical thinking causi
From the psychologic
r abnormal ~~the~~ mentality
powerful community

reviewed within meta-framework of Western vs. Eastern mentality, showing the whole problem in unexpected light. Finally, the idea is outlined of trans-theoretical open-global-humanised Mind of the future as a natural goal of *homo sapiens*'s spiritual liberation.

There must exist the
a structural princip
tality in one 'genalog
mind works unisotropi
ces to think along the
by ~~restricted~~ ^{restricted} in cer
is within unending &
ough it may seem, min
tellec, mostly in their
by ~~their~~ their world outl
is internally programmed ~~to~~ to
compatibility with other cultures, ~~and~~
mind-structures as a natural

ЛИТЕРАТУРА

1. Акофф Р. Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.. Советское радио, 1974. 272 с.
2. Аристотель. Метафизика. Соч. в 4-х томах, т. I. М. Мысль 1976, с. 63–369.
3. Аристотель. Физика. Соч. в 4-х томах, т. 3. М., Мысль 1981, с. 59–263.
4. Барашенков В. С. Философские аспекты геометродинамической картины мира. В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке, т. II. Эволюция материи и ее структурные уровни. М., Наука, 1983, с 370– 374.
5. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. В кн.: М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. Бахтин М. М. Проблема текста. Там же.
7. Беллерт И. Об одном условии связности текста. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста М., Прогресс, 1978, с. 172–207.
8. Бергсон А. Восприятие изменчивости. СПб., 1912.
9. Бессознательное. Природа, функции, методы исследования, (под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В.), Тбилиси, Мецниереба, т. 1–3, 1978. т. 4, 1985.
10. Бом Д. Квантовая теория. М., Наука, 1965, 727 с.
11. Бранский В. П. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Ленинград, изд-во ЛГУ, 1973, 176 с.
12. Браун К. Х. Критика фрейд-марксизма. М., Прогресс. 1982. 272 с.
13. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., ИЛ, 1958. 133 с.
14. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., Мысль, 1974. 454 с.
15. Гейтинг А. Тридцать лет спустя. В кн.: Математическая логика и ее применения. М., 1965.

16. Герменевтика: история и современность. М., Мысль, 1985. 304 с.
17. Гессе Г. Игра в бисер. М., Художественная литература, 1969, 544 с.
18. Гессе Г. Степной волк. Иностранная литература, 1974, № 4–5.
19. Гильберт Д. О бесконечном. В кн.: Д. Гильберт. Основания геометрии. М. Л., 1948, с. 341.
20. Голдблатт Р. Топосы. Категорный анализ логики. М., Мир, 1983, 488 с.
21. Гуссерль Э. Логические исследования. Часть 1. Прологомены и чистой логике. СПб., Образование, 1909, 224 с.
22. Декарт Р. Размышления о методе. М., изд-во АН СССР, 1953, 656 с.
23. Дельгадо Х. Мозг и сознание. М., Мир, 1971, 264 с.
24. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. Собр. соч. в 10-и томах т. 4. М., ГИХЛ, 1957.
25. Елисеев Э. Н., Сачков Ю. В., Белов Н. В. Потоки идей и закономерность развития естествознания. Л., Наука, 1982, 300 с.
26. Зиман Э. К. и Бьюнеман О. Толерантные пространства и мозг. В кн.: На пути к теоретической биологии. Ч. 1. Прологомены М., 1970 134–144 с.
27. Какабадзе З. М. Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля. Тбилиси, Мецниереба, 1966. 159 с.
28. Кармин А. С. Познание бесконечного. М., Мысль. 1981, 232 с.
29. Кант. Критика чистого разума. Собрание сочинений в шести темах. т. 3. М., МЫСЛЬ. 1964, 799 с.
30. Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях. «Новые идеи в математике», сборник № 6. СПб.. 1914.
31. Кантор Г. К учению о трансфинитном. Там же.
32. Клини С. К. Введение в метаматематику. М., ИЯ, 1957, 526 с.
33. Клини С. К. Математическая логика. М., Мир, 1973. 480 с.

31. Козлова М С. Философия и язык. М., Мысль. 1972, 256 с.
35. Крипке С. А. Семантический анализ модальной логики. I. Нормальные модальные исчисления высказываний. В кн.: Р. Ф е й с. Модальная логика. М., 1974, 254–303 с.
36. Кун Т. Структура научных революций. М., Прогресс, 1977, 300 с.
37. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. М., Правда, 1982, 319 с.
38. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., Атеист, 1930, 338 с.
39. Лейбниц. Свидетельство природы против атеистов. Соч. в 4-х томах, т. 1. М., Мысль, 1982, 78–84 с.
40. Лейбниц. Монадология. Там же, 413–429.
41. Лейбниц. Переписка с Кларком. Там же, 430–528.
42. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. Там же, т. 2, 47–546.
43. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., Наука, 1980, 359 с.
44. Лекторский В. А «Альтернативные миры» и проблема непрерывности опыта. В кн.: Природа научного познания. Минск, изд-во БГУ, 1979, 57–105 с.
45. Лекторский В. А., Садовский В. Н, Юдин Э. Г. Операциональная концепция интеллекта в работах Жана Пиаже. Предисловие к 64, 2–53 с.
46. Лем С. Солярис. В кн.: С. Лем. Избранное. М., Прогресс, 1976, 19–216 с.
47. Лем С. Сумма технологии. М., Мир, 1968, 008 с.
48. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм, ПСС, изд. IV, т. 14.
49. Ленин В. И. Философские тетради. Там же, т. 38.
50. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. Избранные философские произведения в 2-х томах, т. I. М., Соцэкгиз, 1960. 734.

51. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными. СПб., 1895, 236 с.
52. Лосский Н. О. Интуитивная философия Бергсона. М., 1914. 111 с.
53. Лосский И. О. Обоснование интуитивизма (и др.). СПб, 1906. 358 с.
54. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М. ИЛ. 1959. 310 с.
55. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, «Мецниереба» 1984. 84 с.
56. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. В кн.: К Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 3.
57. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М., Политиздат, 19, 78, 908 с.
58. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения. изд. 2-е. т. 3.
59. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
60. Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика. В кн.: Семантика модальных и интенциональных логик М., Прогресс, 1981, с. 223–253.
61. Надирашвили Ш. А. Понятие установки и общей и социальной психологии. Тбилиси, «Мецниереба», 1974, 170 с.
62. Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси, изд-во ТГУ, 1978, 84 с.
63. Новоселов М. М. Категория тождества и ее модели. В кн.: Кибернетика и диалектика. М., Наука, 1978, 183–211 с.
64. Пиаже Ж. Психология интеллекта. В кн.: Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М., 1969, 55–231 с.
65. Пиаже Ж. Структуры математические и операторные структуры мышления. В кн.: Преподавание математики. М., Учпедгиз, 1960.
66. Платон. Сочинения в 3-х томах. М., Мысль, 1968–1972.

67. Пойя Д. Математическое открытие. М., Наука, 1976, 448 с.
68. Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, Наукова думка, 1982, 272с.
69. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., Прогресс, 1983, 606 с.
70. Постон Т. и Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. М., Мир, 1980, 608 с.
71. Пуанкаре А. О науке. М., Наука, 1983, 560 с.
72. Роллан Р. Собрание сочинений, т. 19. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны (с. 7–203). Жизнь Вивекананды (с. 205–323). Л., 1938.
73. Рузавин Г. И. Проблема понимания и интерпретации в герменевтике. В кн.: Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983, 140 с.
74. Сато К. Через ситуацию, свободную от раздражения, к личности, свободной от установки (на англ. яз.). В кн.: Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. Тб., Мецниереба, 1973, с. 327–330.
75. Смирнов В. А. О логических отношениях между теориями. В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, изд. БГУ, 1981, с. 341 – 360.
76. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке... М.-Л., СОЦЭКГИЗ, 1932, 222 с.
77. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., ИЛ, 1948, 327
78. Том Р. Динамическая теория морфогенеза (и комментарии к 81). В кн.: На пути к теоретической биологии. М., 1970.
79. Узнадзе Д. И. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, изд-во АН ГССР, 1961, 210 с.
80. Уилер Дж. Предвидение Эйнштейна. М., Мир, 1970, 112 с.
81. Уоддингтон К. Х. Основные биологические концепции. В кн.: На пути к теоретической биологии. М, 1970.

82. Фейнберг Е. Л. Интеллектуальная революция (На пути к единению «двух культур»). «Вопросы философии». № 8. 1986. с. 33–45.
83. Фишер А. Философия математики Гонсета. В кн.: Сборник статей по философии математики. М., 1936.
84. Фреге Г. Смысл и денотат. «Семиотика и информатика», выпуск 8-й, 1977, с. 181–210.
85. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. 2-е изд. М.-Пг., 1923; Выпуск 1, 251 с.; Выпуск II. 249 с.
86. Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., Мир, 1966, 555 с.
87. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М., Прогресс, 1980, с. 448.
88. Холл Парти Б. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность. В кн.: Семиотика (Сборник: переводов под ред. Ю С. Степанова). М., Радуга, 1983, с. 285–305.
89. Хомский Н. Язык и мышление. М., изд-во МГУ, 1972, 122 с.
90. Хуцишвили Г. Ш. Соотношение общенаучного понятия «структура» с философскими категориями «связь» и «отношение». В кн.: Общенаучные понятия и материалистическая диалектика (Межвузовский сборник «Проблемы диалектики», Выпуск XI). Ленинград, изд-во ЛГУ, 1982, с. 77–81.
91. Хуцишвили Г. Ш. Проблема бесконечности в свете современной науки. Тбилиси, Мецниереба, 1981, 152 с.
92. Хуцишвили Г. Ш. Философский анализ проблемы бесконечности а математике. «Философские науки», № 3, 1982, 71–80 с.
93. Хуцишвили Г. Ш. Об особенностях математического способа мышления. В кн.: Философские (методологические) семинары. Опыт, проблемы, перспективы (под ред. Ю. А. Овчинникова). М, Наука, 1984, с. 287–300.
94. Хуцишвили Г. Ш. О методологических основах исследования структурного континуума материи. В кн.: Эволюция материи и ее структурные уровни. М., Наука, 1983, с. 395–399.

→ Эдвард Белл. Разумность абстракций и методы прикладной математики.

Марк Дегонил,
Абстрактный математик и эволюция материи.

95. Хуцишвили Г. Ш. Генетический подход к исследованию фундаментальных методологических понятий. В кн.: Методологические вопросы философии и науки. Тбилиси, изд-во ТГУ, 1985, с. 77–109.
96. Цехмистро И. З. Диалектика множественного и единого. Квантовые свойства мира как неделимого целого. М., Мысль, 1972, 276 с.
97. Черри К. Человек и информация. М., изд-во Связь, 1972, 368 с.
98. Шаров А. А. Понятие информации в теории категорий. «Семиотика и информатика», Выпуск 8, 1977, с. 167–178.
99. Шрейдер Ю. Л. Равенство, сходство, порядок. М., Наука, 1970, 254с.
100. Яновская С. А. О так называемых «определениях через абстракцию». В кн : Сборник статей по философии математики. М., 1936.
101. Adler, A., Understanding Human Nature, Garden City, N. Y., 1972, pp. 243.
102. Altered States of Consciousness, Tart, Ch. T. (Ed.). A Book of Readings, N. Y. – London – Sydney – Toronto, 1963.
103. Berne, E. Games People Play, Ballantine Books, N. Y., 1981, pp. 192.
104. Bijayananda Kar. Indian Philosophy: An Analytical Study, Ajanta Publications, Delhi, 1985, pp. 148.
105. Clarke, A. C. Childhood's End. Pan Books, London and Sydney, 1979, pp. 189.
106. Dandekar R. N. Insights into Hinduism, Ajanta Publications, Delhi, 1979, pp. 394.
107. Dictionary of Buddhism (with an Introduction by T. O. Ling), Charles Scribner's Sons, N. Y., 1972, pp. 278.
108. Eccles, J., C. The Human Mystery, Routledge and Kegan Paul, London, 1984, pp. 256.
109. Eco U., In Praise of Thomas Aquinas. In: U. Eco, Travels in Hyper-reality, Harcourt Brace Jovauovich, Inc., 1986.
110. Feuerabend P., Against Method, New Jersey, 1975.

ვრცელად ცნობილია, რომ ადლერის (A. Adler) თეორია, რომელიც ეფუძნება ინტერსებს, არის მხოლოდ ფორმული და მათემატიკური. მისი მიზანია, ადამიანის ბუნებას დასაბუთოს, როგორც ბუნებრივი კანონების მიხედვით.

W.V.O. Quine, From a Logical Point of View, Harvard (Cambridge, Mass.), 1971.

"You cannot take in the same river twice, for new waters are always flowing in upon you" (Heraclitus).
 → Identity, Ostension, and Hypostatization (pp. 65-73)

111. Goodman N., *The Structure of Appearance*, Cambridge (Mass), 1951.
112. Heidegger M., *Vortragc und Aufsätze. Teil II. Was heiBt Denken?* Tübingen, Neske. 1967, 119 s
113. Huxley, A., *Brave New World*, Granada Publishing, London – Toronto– Sydney–New York, 1979
114. Huxley, A., *The Doors of Perception. Heaven and Hell*. Granada Publishing, London – Toronto Sydney – N. Y., 1979, pp. 144.
115. Huxley, A., *Island*, Gi.mada Publishing, L. – Toronto – Sydney – N. Y., 1979, pp. 336.
116. Jung, C. G., *Gesammelte Werke, Bd I*, Zurich – Stuttgart, 1958.
117. Mischel, W., *Introduction to Personality (3rd) Edition*, Holt, Rinehart and Winston, N. Y. etc.. 1981, pp. 624.
118. Morris, C. W., *Signification and Significance. A Study of the Relations of Signs and Values*, MIT Press, Cambridge (Mass), 1964, 99 p.
119. Nalimov, V. V., *Space, Time and Life (The Probabilistic Pathways of Evolution)*, iSi Press, Philadelphia, 1985, pp. 110
120. Pauli W. and Jung C. G., Eds., *The Interpretation of Nature and the Psyche (Bollingen Ser. I 1)*, Princeton University Press, New Jersey, 1955.
121. Popper, K. R., Eccles J. C., *The Self and Its Brain*, Springer International, Berlin – Heidelberg–N. Y., 1977, pp. 597.
122. Quine W. V. O., *Word and Object*, N. Y., 1960
123. Quine W. V. O., *From a Logical Point of View*, Harvard Univ. Press, Cambridge (Mass.), 1971.
124. Russell B., *The Principles of Mathematics*, G. Allen & Unwin. L., 1937.
125. *Srimad Bhagavad-Gita (Translated by Swami Viresvarananda)*, Sri Ramakrishna Math, Madras, 1983, pp. 536.
126. Schrodinger E., *Mind and Matter*, Cambridge University Press L. 1958, pp. 104.
127. Sherrington C. S., *Man on His Nature*, Cambridge Univ. Press L 1940, pp. 413.

128. Stevens. J. O. (Ed.), *Gestalt is*, Bantam Books, N. Y. – Toronto – London, 1977, 290 pp.
129. Thom R., *Stabilite Structurale et Morphogenese*, Benjamin, N. Y., 1972.
130. Wittgenstein L., Zettel, University of California Press, Berkeley and LA, 1970, pp. 124.
131. Wittgenstein L., *Philosophical Investigations*, Oxford Univ. Press. L. 1967.
132. Wolman, B. B., *Contemporary Theories and Systems in Psychology*, Plenum Press, N. Y.-L., 1981.
133. Vivekananda, Swami, *Raja-Yoga, or Conquering the Internal Nature (with Patanjali's Yoga Aphorisms)*, Advaita Ashrama, Calcutta, 1982, pp. 292.
134. Ziolkowsky Th., *Foreword to: Hermann Hesse, Magister Ludi (The Glass Bead Game)*, Bantam Books, N. Y., 1978, pp. V–XVI.